

Zarnitsy. Zarnitsy (Saint Petersburg, Russia : 1906)

Call Number: 2006 Folio S55

Creator: Ashkinazi, V. A. Bariatinskii, V. V. (Vladimir Vladimirovich), kniaz, b. 1874. Bilibin, Viktor Viktorovich, 1859-1908. Blotermants, O. IA. Chukovskii, Kornei, 1882-1969. Demianov, M. A. Dymow, Ossip, 1878-1959. Gibianskii, IA. A. Glikman, D. I. Gurevich

Date: 1906

Publisher: IA.V. Viktorov

Subjects: Russian wit and humor.

Political satire, Russian.

Caricatures and cartoons.

Periodicals --Russia --Saint Petersburg

Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations

Drawings

Political cartoons

Physical Description: 8 p.

ill.

36 cm.

Volume/Enumeration: no.1(1906)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

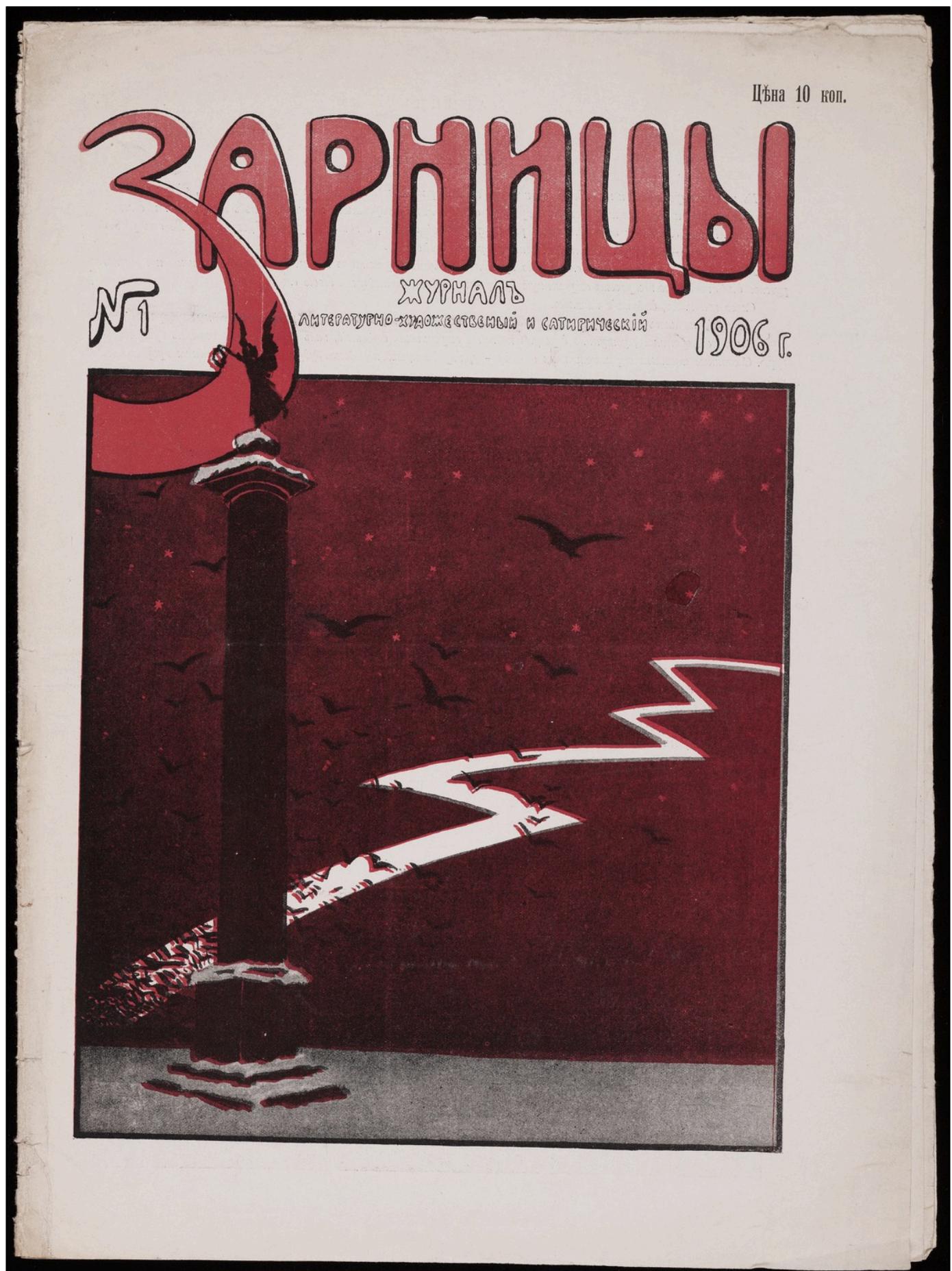
Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

Зарницы.

Въ низахъ народной жизни идетъ великая работа. Коры становятся все тоньше и тоньше, удары звучатъ грозны и грозны и безудержный потокъ народной воли силится вырваться наружу, чтобъ зашратъ на солнце вслѣи переливами власти и величія. Идетъ раскачка русской жизни, о которой презилъ Достоевскій. Во весь ростъ подымается народъ—богатырь. Идетъ и близится русское дѣйствіе.

Миръ знаетъвшее русское слово. Оно прожило глаюломъ современную мысль. Миръ увидитъ нынѣ и почувствуетъ русское дѣйствіе: оно потрясетъ современную душу—оно будетъ достойнымъ своего слова.

Слово кончилось, дѣйствіе началось.

Дѣйствіе началось бурей, крушениемъ всего старого, громовыми раскатами,—взрывомъ стихійныхъ страсти.

Слово посторонилось, уступило дорогу. Оно лишь отражаетъ дѣйствіе, какъ зарницы отражаютъ бушующую бурю. Скованные титаны вырываются на свободу—буря предвещаетъ невидомое будущее—вѣція зарницы прорываютъ небо...

Такъ говорилъ Заратустра:

Чаша до края полна!
Тады и желтыя змѣи
Лѣзутъ съ шипѣньемъ со дна...
Бѣлыя розы поблекли...
Совы тревожно кричатъ...
Нѣтъ ужѣ старой дороги—
Нѣтъ—ни впередъ, ни назадъ...

Такъ говорилъ Заратустра:

Торе небрежнымъ жерецамъ!
Боги валяются въ прахѣ—
И въ запустѣніи храмъ...
Мерзкій паукъ паутину
Свилъ у колоннѣ алтаря...
Ночь безъ конца... безъ исхода...
И не альютъ заря...

Такъ говорилъ Заратустра:

Вы разорились до тла!
Вы отъ добра отказались
И преисполнились зла...
Тѣль ваши прежніе клады—
Знаніе... Вѣра... Любовь?..
Въ сердцѣ—у васъ лишь сомнѣніе,
Въ жилахъ—холодная кровь!..

Такъ говорилъ Заратустра:

Соль опрыснула давно!
Не увлекаетъ веселье,
Не опьяняетъ вино...
Яда безъ силы и смерти
Чаша до края полна—
И ужѣ желтыя змѣи
Лѣзутъ съ шипѣньемъ со дна.

Такъ говорилъ Заратустра:

Скоро грядущій грядетъ!..
Скоро ужѣ Новое Слово
Тьму и покой потрясетъ!
Страшно—свѣтло и кроваво
Будетъ его торжество...
Я—лишь его провозвѣстникъ,
Я—лишь глашатай его!..

Скиталецъ—Яковлевъ.

Въ облакахъ.

На небѣ большая тревога. Отжившія и еще нежившія души въ смятении. До нихъ съ земли доходить чудовищные слухи. Онѣ перестали спать, начали скорбѣти и интриговать.

За газетами посыпаютъ парочнѣхъ на землю, ихъ читаютъ запоемъ на каждомъ облачкѣ и быстро передаютъ сенсационныя новости другъ другу.

Нежившія маленькия души въ отчаяніи: онѣ понимаютъ, что имъ придется идти на землю, гдѣ страданія, ядра и смерть...

А будущіе женщины уже слушаютъ медицинскіе курсы, понимая, что имъ придется быть сестрами милосердія и увлекаются этимъ.

Учатся у умершаго отъ ранъ студента медицины. Онѣ толковый да умный.

Будущіе мужчины рѣшили, что, вѣроюно, ихъ прямо отъ кормилицы пошлиютъ на войну,—потому учатся маршировкѣ и стрѣльбѣ въ цѣль.

Пришелъ солдатъ съ войны, закотолый японцемъ, и такіе страсти разсказываютъ маленькимъ неопытнымъ душамъ, что онѣ, поблѣдѣвъ, долго помышляютъ о чёмъ-то шепталисъ.

Явился рабочий съ земли, весь покрытый грязью и кровью. Онѣ и его обступили.

Онъ говорилъ о заработной платѣ, о митингахъ, о насилияхъ, о готовности умереть за идею.

Онѣ слушали и ничего не понимали.

По слову—»митингъ« поправилось имъ, и онѣ часто стали повторять его.

Чѣмъ далѣѣшло время, тѣмъ сильнѣѣ стали хмуриться души будущихъ новорожденныхъ и все чаще и чаще собирались за большимъ облакомъ, чтобы ихъ не видели старшіе. Тамъ онѣ о чёмъ-то спорили, кричали и, наконецъ, что-то рѣшили, разлетѣлись въ разныя стороны.

Насталъ торжественный часъ отправки душъ на землю.

Великий Духъ, который наблюдалъ за порядкомъ отправлений, уже явился и грозно ждалъ ихъ.

Но кругомъ было пусто.

Великий Духъ прикинулъ Архангела Гавріила, и тотъ представалъ предъ имъ, не сколько смущенный и взмолниванный.

— Гдѣ души, которыхъ должны отправиться на землю, чтобы родиться? спросилъ Духъ.

Гавріилъ покинулъ головою.

— Гдѣ же онѣ отѣчай, спросилъ снова Духъ.

— Увы, наконецъ робко проговорилъ Гавріилъ, онѣ не явятся къ тебѣ, Великий.. Онѣ... страшно сказатъ.. Онѣ забастовали.

Великий Духъ отъ неожиданности упалъ на облако.

З. Яковлева

Пирамида.

Властелинъ прекрасной страны любилъ свое имя. Отъ зари до зари всѣ подданные повторяли его имя. Никто не смѣлъ произносить иного имени.

Задолго до своей смерти, властелинъ повелѣлъ рабамъ строить изъ камней твердыхъ и тяжелыхъ камней высокое зданіе, которое должно было на вѣки сохранить отъ забвенія его имя.

Зданіе пережило тысячу лѣтъ.

Его зовутъ беззмянною пирамидой.

К. Лѣдобѣ.

Дѣва Конституція.

„Забуждаются тѣ, которые полагаютъ, будто у насъ введена конституція.“

(Изъ басѣдъ съ высокопоставленными лицами).

Чуждъ забавъ ребяческихъ,
Чуждъ пустыхъ утѣхъ,
Въ увлеченьяхъ всяческихъ
Видѣлъ я лишь грѣхъ.

Быть мудрѣй Конфуція..
Но,—неровеять часть,—
Дѣва Конституція
Мнѣ явилась разъ.

И пѣнненый дѣвою,
Я, забыть покой,
Попѣлъ ей лѣбою
Посыпала рукой.

Дѣву—дѣвой красною
Называлъ... Къ ней я
Обращалъ съ властною
Рѣчью: „Ты мой!“

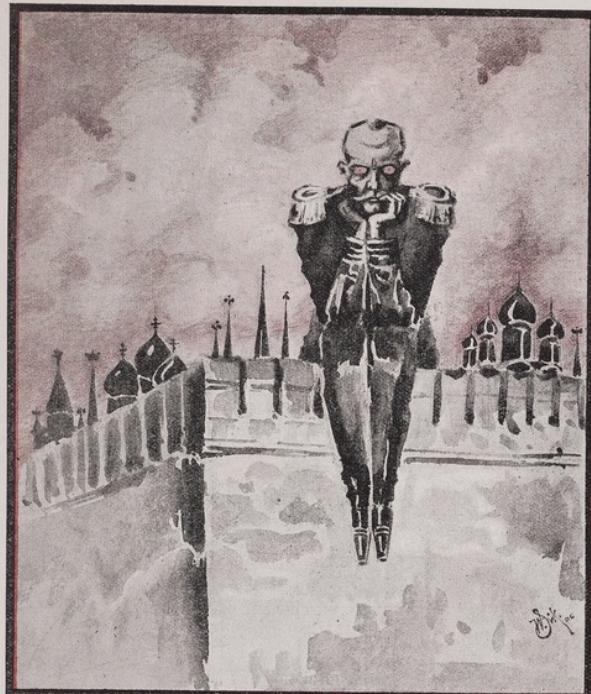
Но, увы,—нежданная
Вдругъ пришла бѣда:
Сгинула желанная
Дѣва безъ слѣда.

„Вѣяви тебя-ли, право, я,
На свою бѣду,
Встрѣтилъ, о лукавая?..
Видѣлъ-ли въ бѣду?..

И съ мольбою руци я
Простираю въ высы:
„Дѣва Конституція!
Гдѣ ты? Отзовись!“

Жакъ-меланхоликъ.

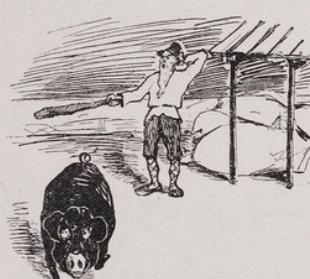
„И тотъ, чей взоръ крамолу губить,
Едва крамола распятъ!“

Свинья, овесь и мужикъ.
(Басня).

Свинья въ овесь случайно забѣжала,
Дурного слѣдъ тамъ не мало..
Пришелъ мужикъ и, взявъ дубину,—
Безъ думы дальней выгнать онъ скотину.

Нравоученье хочешь знать?—
Свиней повсюду надо гнать.

Ильиновъ.

Телеграммы.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ).

Владивостокъ. Среди мертвыхъ—спокойно; раненые, умирая, стоятъ.

Москва. Пришли ружейныхъ патроновъ, пока не все разстрѣляны.
Конго. Мѣстная интеллигенція солотилась въ прогрессивный союзъ. Предсѣдателемъ избранъ исправникъ.

Тегеранъ. По слухамъ, изъ дипломатическихъ источниковъ, шахъ превычайно одобрительно относится къ идеалистическому временному правлѣнію кавказскихъ народностей.

О-въ Эзель. Не смотря на утвержденіе специальныхъ корреспондентовъ, на островѣ не оказалось города Крейцбурга и ни одного латыша.

Una Autobiographia.

Я подъ именемъ Лизетты
Въ милой Франціи росла
Но до grande Елизаветы
Никогда бѣ не доросла.

Но на счастье рослой Лизы
Старый графъ Карилонсъ
Въ замкѣ предковъ „Dieu merci“
Самъ устроилъ Лизу съ мызы.

Въ замкѣ мыстномъ—режиссерамъ
Театральнымъ фурниссерамъ,
Я всему давала тонъ.
Экономя на бульонахъ,
Оказалась я въ миллионахъ,
Какъ клевещетъ моветонъ.

Я сѣдала какъ броши
(Сотни тысячъ пей и пиши!)
И пробила изъ-за броши
Я во всемъ бюджетѣ—брешъ.

Графъ мой, бывшій монархистомъ,
Сталъ великимъ анархистомъ;
Онъ кричалъ да bas l'etat!
И подъ звуки пѣсни этой
Здѣсь madame Елизаветой
Учинилась... (подпись неразборчива).

Бризъ.

(Изъ Гейне).

На островѣ дикомъ.

Дзунгулу десятый, король канни-
баловъ,
Рышилъ подкрѣпиться чутъ-
чутъ,
Ссыпалъ двухъ стариковъ, трехъ
дѣвушкъ и ребенка
И леїз на часочекъ всхрапнуть.

И снится ему, что въ томъ краѣ
далекомъ,
Въ томъ краѣ, гдѣ влювка ра-
стетъ,
Обжора Дубасовъ полковнику
Мину
Такой же обнѣдъ задаетъ.

Теффи.

Н. Грабовский.

„Я знаю, как спасти Россию“

Жепрятная любезность.

«Не судите, да не судимы будете» — сказало правительство, предавая суду Московскую судебную палату.

«Садитесь пожалуйста!» — сказал прокурор, узнав, что у редактора нет залога.

Теоффи.

Новые поговорки.

Бѣжать «до ляса» попова ряса.
Коль срѣзуть губы — оскалишь зубы.
И отъ своихъ, и отъ враговъ пылаютъ «сорокъ серебръ».
Какъ до Киева языкъ, — до тюрмы доводить «шипиль».
И некрестенный «Крестовъ» не минутеть!
О смерти — думы — не теряй до «Думы».
Нока Дума собирается, не мало крови прольется...

Ильиновъ.

Меня, во мракѣ и пали,
Досель влачившаго оковы—
Вдругъ гражданиномъ парекли
И дали мнѣ свободу слова.

И вотъ—воспринулъ мой языкъ.
Для грозной рѣчи о свободѣ,
Въ одно мгновенье я постигъ
Страданье тяжкое въ народѣ.

И говорилъ, кричалъ, писалъ,
Дрожа отъ скорби необытной...
И даже органъ издавалъ...

И вотъ—среди моихъ угѣхъ,
Когда росли мечты живыя,
Случился крахъ; случился грѣхъ:
Ко мнѣ пришли городовые.

Досель изъ кутузѣ я сижу,
Грущу, страдая тажкимъ силиномъ
И смыслъ въ томъ не нахожу

Зоисъ.

Новѣйшія пословицы.

Министерству—проектки, а народу—слезки.

На всякую стрѣльбу не ваумираешься.

Не красна конституція словами, а красна обѣщаніями.

Кому суждено быть разстрѣяннымъ, того нагайкой не убѣшь.

Одинъ.

Спренъкій козликъ.

Жилъ у Федорушки,
Ой-ли не вторушки—
Спренъкій козликъ.

Вынади козлика летомъ въ купалу:
Бѣ поле на Илу.

Плавалъ нашъ козликъ на яликъ зыбкомъ:
Кѣ ракамъ, да кѣ рыбкамъ.
Фить-какъ, вотъ какъ
Спренъкій козликъ!

Лзѣть нашъ козликъ куда-нибудь сдуръ,
Тамъ напугаетъ индошку иль куру—
Съ козлика спустятъ немедленно шкуру.

Кликали козлика разными кличками,
Елизко знакомы съ родными куличками,
Гнали, спрашивая пріимира Икарова^{*)}!
Вместѣ съ телятами стада Макарова.

Козлику дали свободу... молчали,
Съ него не знаетъ онъ что и начати?

Всюду—печати!

Фить-какъ, вотъ-какъ!
Спренъкій козликъ.

Вдумалось козлику тутъ бастовать,
Многихъ бодать!

Лзѣть нашъ козликъ на драку, да въ свалку—
Прямо на палку.

Взяли тутъ козлика круто за рожки:
Свободъ съ дорожки,
Прочь отъ сторожки..

Спренъкій козликъ отправленъ за мостикъ:
Тамъ онъ оставитъ и рожки и хвостикъ

Тамъ не дозволяютъ ко злу допущенъ:
Козлику быти когдѣ отищены.
Фить-какъ, вотъ-какъ!
Спренъкій козликъ.

Одѣвртъ.

^{*)} Мифическій или мифологическій юноша, сломавший себѣ крыла при полетѣ.

Чижикъ.

Когда сѣ маленькими дѣтьми поступаютъ по всей строгости закона—меня это ничуть не удивляетъ.

Я знаю, что за штука эти маленькие дѣти?

Подъ личиной прогательной наивности, они разскажутъ вамъ такую склонку, что не посовѣтую повторять ее въ присутствіи г-на Рачковского.

Есть у нихъ также въ запасѣ и пѣсенки на матиные статьи 103.

Не буду голословной. Разскажу вамъ возмутительнѣйшій фактъ, и клянусь, что все до посѣдѣяго слова чистѣйшая правда.

Слушайте:

Прихожу я вчера къ своимъ добрымъ знакомымъ.
Хозинъ дома И. П.—Хозяйка И. П. П.

Гувернантка изъ Хоругвеносцевъ.

А въ дѣтской на высокомъ креслицѣ сидитъ ребеночекъ, лѣтъ эдакъ пятнадцати.

Сидитъ и поетъ пѣсенку самыи певининъ фальшивымъ голоскомъ:
Чижикъ! Чижикъ! Гдѣ ты былъ?..
На Фонтанкѣ водку пилъ!

Меня какъ обухомъ по головѣ!

На Фонтанкѣ? Почему именно на Фонтанкѣ, не потому-ли что тамъ (странно выговорить) — тамъ министерство внутреннихъ дѣлъ?...

Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ...
Зашумѣло въ головѣ... продолжало наивинчатъ дитя.

А дальше уже, съ самой циничной откровенностью, объяснило, что за итица подразумѣвалась подъ этимъ чижикомъ:

Былъ чижикъ въ лодочкѣ.. Въ адмиральскомъ чинѣ...

Дубасовы!.. Конечно тутъ ужъ не отвертишься! Въ лодочкѣ! Въ адмиральскомъ чинѣ! Какъ по писаному.

Не выпилъ ли водочки...

По этой причинѣ...

Еще-бы! Отчего же и не выпилъ! Оскорбивъ „персону“—самая пора повеселиться.

И заметалась по комнатѣ, стараясь забыть слышанное, но тутъ младенецъ вылезъ на самыхъ тоненькихъ потехахъ такую штучку, что сама Вѣра Засуличъ въ обморокъ бы упала.

Да-съ! И что иное, какъ призвать къ вооруженному возстанію, съ инспираторемъ существующаго строя и лишениемъ свободы государственныхъ властей!

Стали чижика ловить...

Чтобы...

Предупреждаю, что я здѣсь ни причемъ.

Я только передаю фактъ, котораго свидѣтельницей была случайно и которому не сочувствую ни одной фиброй, чemu могутъ представить докторское свидѣтельство:

Чтобы?...

Чтобы въ клѣтку посадить!!

Медффи.

Ж Л Е В Е Т А .

(Чрезвычайно неестественный рассказ.)

Мозгилъ героя:
Никогда!..
Здара!..

Въ отдѣльномъ кабинетѣ шикарнаго ресторана они кончали поздній обѣдъ. Тоній ароматъ сигаръносился въ воздухѣ и сливался съ благоуханіемъ кофе, закипавшаго въ затѣйливомъ серебряномъ приборѣ.

Была толькъ моментъ, когда въ каждой компаніи—даже самой веселой и безнечной—вдругъ прибывался новый незваный, невидимый гость—меланхолія.

Никто не можетъ указать, где сидитъ незваный гость, но каждый ощущаетъ его около себя. И каждому вдругъ хочется высказать сокровенное, завѣтное, затаенное въ душѣ глубоко и давно.

Самый старший, истеропясь, разсыпалъ кофе въ маленькия синія чашки и сказалъ:

— Вчера Ольга Николаевна—вы ее знаете—спросила, соберется ли сегодня пани маленький кружокъ. Когда я отвѣтилъ, что за 10 лѣтъ мы не пропустили ни одного понедѣльника, чтобы не пообщаться въ этомъ кабинетѣ, она воскликнула: „Ниръ во время чумы“—Потомъ я весь вечеръ думалъ обѣ этихъ словахъ—и не могъ ихъ понять. Что это значитъ? Газѣтъ чума уже въ Петербургѣ?

Самый младшій подхватилъ съ живостью:

— Чума? Нѣтъ чума и конституція остаются въ Персіи. У насъ есть иначе другое,—революція. Впрочемъ вы—русскій министръ, вамъ позволительно этого не знать.

Министръ немножко задумался.

— Вы серьезно? Мы не получали извѣненій. Впрочемъ, бумага павѣнро застряла въ канцеляріи. А вы—революціонеры?

— Да! онъ революціонеръ! воскликнулъ одинъ изъ присутствующихъ. Въ прошлый понедѣльникъ онъ пилъ красное вино, почти замороженное.

Крикъ ужаса пронесся по комнатѣ.

— Молодой человѣкъ! промолвила министръ съ укоризной. Замороженное? Молодой человѣкъ! Вы подняли руку на священнейшій основы человѣчества. Это неслыханно! Я не узнаю васъ!

При этихъ словахъ, сказанныхъ почти въ шутку, министръ вдругъ почувствовалъ, что что-то обервалось у него въ сердцѣ. Да, действительно! онъ не участвуетъ этого человѣка! Или вѣрѣе—онъ его спинкомъ хорошо узнаетъ! Ахъ! вѣдь это—онъ! Онъ только загримировалъ Искрицкимъ—потомственнымъ почетнымъ балетоманомъ, членомъ ихъ дружескаго кружка,—и имитируетъ его съ геніальными искусствами, но на самомъ дѣлѣ—это онъ—таинственный, загадочный, неуловимый, котораго ищетъ вся полиція, потому что онъ прѣѣхалъ изъ Швейцаріи, чтобы исполнить приговоръ тайного трибунала. Онъ... У него двѣнадцать головъ... ибо это не одинъ человѣкъ, а двѣнадцать. Они прѣѣхали съ одной цѣлью, связанные страшной клятвой. Если даже одиннадцать будутъ схвачены и повѣшены,—двѣнадцатый исполнитъ приговоръ... Но кто онъ? Который-же онъ? Первый—or двѣнадцатый?

Сердце министра холдѣтъ и почти перестаетъ биться,—онъ смотрѣтъ на молодого человѣка—а въ мозгу его колотится пѣльная странная мысль:

— Который-же это? Изъ тѣхъ, которые повѣшены,—или изъ тѣхъ, которые ускользнули?

Министръ быстро, но незамѣтно оглядывается вокругъ. Онъ полулежитъ на диванѣ, выходитъ далеко, звонокъ—подъ руками Искрицкаго, который сидитъ черезъ столъ прямо напротивъ и заграживаетъ дверь. Нѣтъ, нѣтъ, уйти пельза, единственное спасеніе—не показать своей тревоги и безнечности обмануть врага. Если онъ только почувствуетъ, что мелькнула хоть тѣнь подозрѣнія—все будетъ кончено въ одинъ мигъ...

Министръ улыбается и говоритъ вслухъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пить красное вино замороженнымъ! Молодой человѣкъ, вы погибли въ нашемъ мірѣ!

И въ то-же мгновеніе онъ краснеетъ—и теряетъ тонъ. Это слово *погибли* было совершенію несумѣтно. Оно можетъ дать толчекъ къ дѣйствію по ассоціаціи ідей. *Погибли...* Ахъ, какъ глупо, какъ безсмыслично глупо... Надо понравиться, нравиться во что бы то ни стало.

Министръ говорить съ безнечнейшимъ смѣхомъ:

— Ха-ха! Красное вино пить теплымъ. Это обыкновеніе было уже у древнихъ. Испаній Младшій утверждаетъ, что въ такомъ видѣ вино какъ-бы напоминаетъ кровь. А люди—что ни выдумываютъ,—въ концѣ концовъ забѣтъ, которые жаждутъ крови...

Вновь острый ужасъ перехватываетъ голосъ министра—пронизываетъ его сердце насквозь. Искрицкій—какъ геніально представляеть онъ Искрицкаго—молча барабанитъ лѣвой рукой по синей чашечкѣ, а правую заложилъ за бортъ смокинги... Отъ... Министръ хорошо знаетъ, что онъ ищетъ тамъ. И онъ найдеть, это несомнѣнно. И скоро... скоро... Но министръ уже не можетъ удерзить... Противъ его воли, противъ чувствъ, противъ всего его существа—слѣзы рвутся одна за другой, странны, безумны, безноворотны фразы:

— Да, да, мой молодой другъ. Крови! Сознательно, безсознательно—мы все жаждемъ крови и купаемся въ ней. Кто больше?—въ этомъ весь вопросъ. Сегодня мы, а завтра—они. Вы думаете будеть золотой вѣкъ? Никогда! Я по крайней мѣрѣ въ это не вѣрю, потому что не вѣрю ни во что. Сила тенеръ наша—и мы живемъ въ свое удовольствіе, порабощаемъ, душимъ, выжимаемъ соки. Народы существуютъ для того, чтобы насаждались власти... А кто думаетъ иначе—дѣлѣ тѣль у насъ есть тюрьмы и висѣлицы. Мы даемъ одинъ знакъ—и конечно... И они сами разстрѣливаютъ другъ друга... И они... Но позовите пожалуйста... Я хочу нараданіи.

Искрицкій блѣдѣтъ, глаза его сверкаютъ. Онъ кладетъ лѣвую руку на звонокъ—но не нажимаетъ его,—и быстро выдергиваетъ правую руку изъ кармана. Въ ней браунингъ. Министръ инстинктивно откладывается назадъ на диванъ и закрываетъ глаза. Выстрѣлъ быстро слѣдуетъ одинъ за другимъ...

Министръ чувствуетъ, что онъ убитъ—и пріятная истома разливается по всему его тѣлу. Онъ лежитъ—и не можетъ пошевельнуться. Это такъ ново и сладко.

— Черепъ треснула! хрюкъ испечетъ одинъ изъ событъльниковъ. Ужасная трещина. Мозгъ обнажился.

— У министра мозгъ! съ изумленіемъ воскликнѣтъ Искрицкій—и бросаетъ браунингъ на столъ. Мозгъ! мозгъ...

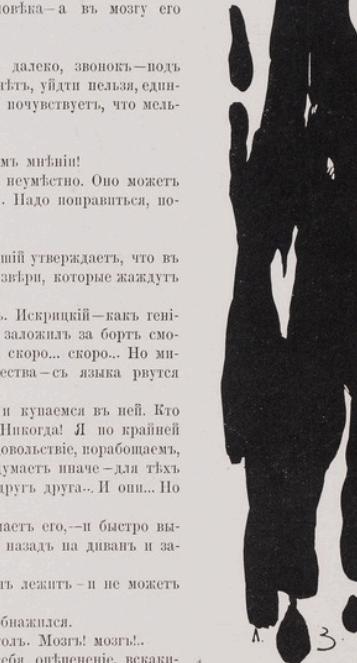
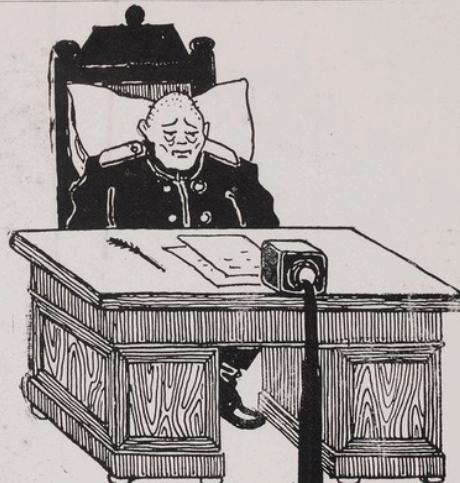
Но тутъ министръ уже не можетъ выдержать. Страстныи порывомъ онъ сбрасывается съ себя онѣненіе, вскаиваетъ и оскорблѣнно кричитъ:

— Мозгъ? Негодя! Вы могли меня убить, но вы не смѣте клеветать на министра! Вы не смѣте! Да, да, вы не смѣте клеветать! Онь изъ всей мои ударить по столу—и просыпается.

Уже одиннадцать часовъ. Бѣдное солнце пробивается сквозь иторы, Франсуа осторожно заглядываетъ въ двери.

— Вотъ ченуха! думаетъ министръ. Никогда въ жизни не обѣдалъ въ ресторанахъ.. И понедѣльники никакихъ не устраивалъ.. И не знаю никакого Искрицкаго.. Положительно—никакого Искрицкаго.. Ба! Но вѣсть идея! Не есть ли это указаніе?.. Это наше спасѣть.. Да, да! великолѣпо! Всю арестовать всѣхъ на П. Всѣхъ! во всемъ государствѣ! Положительно—это указаніе свыше!

Скималецъ-Яковлевъ.

А. Любединов.

(Иль Надсона).

Не говорите линь — свобода намъ дана,
Пусть свергненъ произволъ — министры все довѣняютъ.
Пусть изданъ манифестъ — вѣн проши еще страна,
И есть амнистія — патроновъ не жалъютъ.

Баронъ Оndit.

Beinecke
Library
2006
Folio
355

Адресъ Ред. и Конт.
Загородный 8.
Контора Типографіи
Г. И. Пожарова.

Выходить еженоч. отъ
8—16 стр. въ краскахъ.

Издатель Л. В. Бакторовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
НА ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗАРНИЦЫ“

По дѣламъ — Редакція принимаютъ: по вторникамъ и пятницамъ отъ 6—9 ч. вечера.

Пріемъ объявлений: 200 р. страница, 40 к. строки.

На 12 мѣс. съ перес. 4 р.,
6 мѣс. — 2 р. 50 к.,
цѣна отд. № 10 к.

Подписка и требованія
принимаются
въ конторѣ Редакціи.

Редакторъ Л. И. Зарницинъ.

КАРОВА СПРОГРЕДАНИЕ Г. ПОЖАРОВА СПб. ЗАГРОДН. 8